

Элла Золина

Кофе для несбывшегося

Элла Золина

Кофе для несбывшегося

<https://litres.ru/74632549>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лера открывает кофейню в старинном городе и не сразу понимает, что стала частью чего-то большего. Таинственные посетители, рыжий кот, дверь, за которой несбывшееся, сплетаются в историю исцеления. Здесь каждый находит место, где его слышат. Но чтобы всё это не рассыпалось, Лере придётся выбрать: снова бежать или остаться.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2	16
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Элла Золина

Кофе для несбывшегося

Глава 1.

У меня есть список. Не желаний, а того, чего я больше не буду делать.

Он приклеен к зеркалу в ванной малярным скотчем, криво: я торопилась, руки дрожали. Писала в поезде, пока за окном мелькали серые поля и станции с названиями, которые я не пыталась запомнить. Ручка прыгала в такт стуку колёс, буквы выходили неровные, будто им тоже было неудобно. Я дописала последнюю строчку и сразу закрыла блокнот. Знала: перечитаю, начну вычёркивать, торговаться с собой. «Ну, это не так уж страшно». «Ну, иногда можно». А мне нужно было, чтобы осталось. Чёрным по белому. Чтобы каждое утро первым делом я видела не солнце, не кофе, не прогноз погоды, а вот это.

«Не проверять рабочую почту в воскресенье утром».

«Не говорить „всё под контролем“, когда всё летит под откос».

«Не плакать в туалете издательства, прижимая к лицу мокрые бумажные полотенца: слёзы портят макияж, а макияж единственное, что ещё держится».

Последний пункт самый честный. Я написала его в тамбуре, когда поезд качнуло особенно сильно и я врезалась плечом в стену. Не больно. Просто ещё одна точка в списке мест, где я побывала не по своей воле.

Сейчас, в чужой ванной, в городе, название которого я до сих пор не выговариваю с первого раза, этот список не кажется мне списком запретов. Он похож на карту, где зачёркнуты ловушки. Где написано: здесь ходить не надо. А где надо, я ещё не знаю. Но, кажется, впервые за долгое время мне интересно выяснить.

Город старый. Не старинный: слишком красивое слово для того, что я вижу из окна. Старый, как ботинки, разношенные до идеальной формы. Брусчатка, черепица, голуби на карнизах. Фонтан на главной площади: местные бросают туда монетки и загадывают желания, которые, судя по выражениям лиц, сбываются нечасто. Но бросают. Каждый день. Упрямо.

Вчера, когда я тащила чемоданы по брусчатке, у фонтана стояла женщина. Лет пятидесяти, в шерстяном платке, с сумкой, из которой торчала свекольная ботва, яркая, сочная, живая. Она бросила монетку, перекрестила её, именно монетку, не себя, и обернулась. Поймала мой взгляд.

– На всякий случай, – сказала она и улыбнулась. Не широко, не гостеприимно, просто. Как будто мы были давно знакомы и она знала про меня что-то, чего я сама ещё не поняла.

Я сбилась с шага. Хотела ответить, но не нашла что. Кив-

нула и потащила чемодан дальше. Иногда кивок тоже объяснение. Короткое. На бегу.

Квартира на втором этаже бывшего особняка. Лестница скрипит на каждом шагу. Не просто скрипит, комментирует: «Ну-ка, полегче. Я тут с девятнадцатого века стою, а ты со своим чемоданом». Я поднималась на цыпочках, будто могла её обидеть. Не лестницу, дом. Дом, который видел больше, чем я могу представить, и всё ещё стоит. Всё ещё скрипит. Всё ещё ворчит.

Хозяйка, Зинаида Павловна, шла впереди. Женщина лет шестидесяти, короткая стрижка, взгляд, при котором хочется проверить, всё ли в порядке с документами. Каблуки стучали по скрипучим ступеням, двери она открывала жестом фокусника: «на, смотри», но без энтузиазма. Так, для протокола.

– Вот кухня. Вот ванная. Вот балкон, – махнула она рукой, не оборачиваясь. – Тут помещается стул и растение. Если растение небольшое.

– А если большое? – вырвалось у меня.

– Тогда поставьте его в другое место. – Она даже не притормозила. – Большим растениям нужно больше места. Это закон.

Я кивнула. В её устах «закон» звучал так, будто она лично его подписала. И, возможно, так оно и было.

Лепнина на потолке витиеватая, местами облупившаяся, но с таким характером, что хочется погладить. Как старого

кота, который всё видел и никому ничего не расскажет. Балкон крошечный. Ровно на один стул и одно растение. Я привезла фикус. Тот самый, про который Нина, единственная, кому я сказала, что уезжаю, заметила: «Лер, ты бы ещё кота завела для комплекта».

Я тогда плечами пожала. Кота у меня нет. За кота нужно отвечать по-настоящему. Каждый день. Без выходных. А фикус как молчаливый попутчик. Поливаю, когда вспоминаю. Иногда забываю, и он чуть опускает листья, будто вздыхает. А когда я всё-таки добираюсь до лейки, расправляется обратно. Не обижается. Просто ждёт.

Зинаида Павловна постояла в дверях. Окинула комнату взглядом, проверила, всё ли на месте, хотя что могло исчезнуть за пять минут?

– Ну, – выдохнула она. – Свет, вода, газ работают. Иногда горячая вода пропадает на час-два, но это город, не я. Вопросы?

– Нет, – сказала я.

– Тогда подпишем.

Она достала из папки договор, два экземпляра, уже заполненных. Мелкий, аккуратный почерк. Будто она знала, что я соглашусь. Может, все соглашаются.

Я подписала. Она тоже. Положила ручку обратно в карман и тут, будто между делом, кивнула в сторону лестницы. Вниз.

– Там, на первом этаже, помещение пустует. Отдельный вход, большие окна. Раньше была пекарня. Потом антиквар-

ный магазин. Потом ничего.

Помолчала. Равнодушно добавила:

– Хотите, снимите. Мне, если честно, всё равно, стоит оно пустое или нет. Но если будет пустовать, стены сыреть начнут. А я этого не люблю.

Я моргнула.

– А что там... делать?

– Откуда я знаю? – Зинаида Павловна чуть приподняла бровь. – Вы подумайте. Подумаете, позвоните. Номер у вас есть.

И ушла. Каблуки простучали по лестнице, вниз, вниз, вниз, и дверь внизу хлопнула. Тихо. По-хозяйски.

Я осталась одна. С квартирой, фикусом и чемоданом, который так и не разобрала. Одежда лежала внутри, как усталое животное, свернувшееся клубком. Я посмотрела на неё. Она посмотрела на меня. Мы друг друга поняли: не сегодня.

Вечером я сидела на балконе. Фикус стоял рядом, на перилах. Листья тёмно-зелёные, глянцевые, спокойные.

С балкона видно кусочек улицы. Брусчатка, фонарь, угол дома с черепичной крышей. Голуби устроились на ночь, притихли, сбились в кучу, как зрители в партере, ждущие представления. Внизу, на площади, фонтан тихо бормотал. Я его не видела, только слышала. Негромкий плеск, будто кто-то перебирал монетки. Считал. Пересчитывал.

Я думала. О помещении. О том, как Зинаида Павловна сказала: «Хотите, снимите». О том, что у меня нет работы.

Нет плана. Нет объяснения, ни себе, ни кому-то ещё, зачем я здесь. Есть оплаченная квартира на несколько месяцев. Есть фикус. Есть список «не буду». И есть пустое помещение на первом этаже, которое стоит и сыреет.

Зачем мне помещение?

Я же не собиралась открывать... что? Что я умею? Редактировать чужие тексты. Писать письма, которые никто не читает. Пить кофе. А кофе вот это я умею. Варить, пить, обсуждать, сравнивать. В издательстве все знали: если Лера недоступна, она у кофемашины. И иногда кофемашина понимала меня лучше, чем коллеги. Не перебивала. Не просила «срочно глянуть». Просто гудела. Ровно. Тепло.

Кофейня? Без опыта, без бизнес-плана, в городе, название которого я не могу выговорить?

Я допила чай. Поставила кружку. Посмотрела на фикус.
– Ну что? – спросила я.

Фикус промолчал. Но и отговаривать не стал. Это его лучшая черта.

А каждый день сидеть на балконе и пить чай? Год? Два? Пока сбережения не кончатся и не придётся возвращаться? Обратно, в ту жизнь, где список «не буду» превратится в список «пришлось»?

Ну уж нет.

Я достала телефон. Нашла номер Зинаиды Павловны, она записала его на обратной стороне договора. Мелко. Аккуратно. Набрала. Гудок. Два. Три.

– Слушаю, – голос ровный. Будто она ждала. Будто знала.

– Зинаида Павловна, это Лера. Валерия. Я у вас квартиру сняла.

– Знаю, кто вы. Думали?

– Думала. Я... – Я замолчала. Пальцы на телефоне побелели: сжала, будто боялась, что он выскользнет. И вместе с ним выскользнет то, что я собиралась сказать. – Я хочу снять помещение. На первом этаже. То, что пустует.

– Ну, – сказала она. И помолчала. – Вот и хорошо.

Цена, которую она назвала, была такой низкой, что я переспросила:

– Вы уверены?

– Я редко говорю то, в чём не уверена. – Отрезала так, что спорить расхотелось. – Завтра в десять приду с договором и ключом.

И повесила трубку. Без «до свидания». Без «спокойной ночи». Просто отбой.

Я положила телефон. Руки чуть подрагивали. От ощущения, что я только что подписала не договор, а обещание. Себе. Городу. Пустому помещению, которое стоит и сыреет.

Кофейня. Я хочу открыть кофейню.

Я произнесла это вслух, шёпотом, чтоб не спугнуть:

– Я хочу открыть кофейню.

И тут же, будто город услышал и решил ответить, снизу, с улицы, донёсся звук. Не громкий. Плеск. Фонтан? Нет, фонтан дальше. Это... вода? Дождь?

Я выглянула с балкона. Небо чистое. Звёзды хоть и тусклые из-за фонарей, но видны. Дождя нет. А звук вот он. Тихий. Ритмичный. Кап. Кап. Кап.

И запах. Тот самый, пряный, сладковатый. Не корица, но что-то похожее. Я уловила его ещё днём, когда поднималась по лестнице. Теперь он стал чуть отчётливее. Будто кто-то повернул ручку громкости. На пол-оборота. Не больше.

Я усмехнулась. Себе, конечно. Потому что города не отвечают. И дома не слышат. Это всё нервы. Это всё переезд. Это всё чемодан, который я не разобрала.

Но мурашки, вот эти, по рукам, от запястий к локтям, никуда не делись. И запах тоже. Он остался. Висел в воздухе. Тёплый. Живой. Как будто кто-то ждал, что я наконец замечу.

На следующее утро Зинаида Павловна явилась ровно в десять. Ни минутой раньше, ни минутой позже. Договор, два листа, заполненных тем же мелким почерком. Ключ, тяжёлый, старинный, с витиеватым узором. Она положила его мне в ладонь. Металл был тёплым. Будто его только что держали в руках. Долго. Бережно.

– Тут бывает сырость после дождя, – бросила она, уже стоя в дверях. – Проветривайте. Окна большие, справитесь.

И ушла. Опять без прощания. Просто каблуки по ступеням, и тишина. Густая. Плотная. Как одеяло.

Я стояла перед дверью помещения. Отдельный вход с улицы. Ключ повернулся со скрипом. Дверь открылась протяж-

ным стоном, будто дом напоминал: «Я тут давно стою. Не торопись».

Внутри пусто. Пыль. Старый кирпич. Запах. Тот самый. Сладковатый. Не корица. Что-то похожее, но тоньше, сложнее. Будто пряность, которую забыли в шкафу на сто лет, и она превратилась в воспоминание о себе. Я вдохнула глубже и поймала себя на том, что улыбаюсь. Потому что запах был тёплый. Не затхлый. Не мёртвый. Тёплый.

Солнце через запylённые окна падало косо. Пылинки кружились в лучах, медленно, лениво, будто им некуда спешить. Я потрогала стену. Кирпич под пальцами шершавый, неровный. Тёплый даже без солнца. В углу остатки прилавка. Тёмное дерево. На нём кольца от кружек. Кружки давно убрали. А кольца вот они. След, который не стёрся. Будто кто-то пил кофе и смеялся, и это осталось на дереве. Как подпись. «Я был тут. Мне было хорошо».

Окна большие, в пыли. Сквозь неё видно улицу. Кусочек мостовой. Угол дома напротив. Ветку дерева, которая царапает стекло. Будто проверяет: «Тут кто-нибудь?»

Пол – широкие доски. Местами потемневшие, местами светлые от времени. Я прошлась по комнате. Шаги гулко отдавались: тук, тук, тук. Мне показалось, что дом считает. Прислушивается. Прикидывает, стоит ли меня впускать в свою жизнь.

И вот тут случилось.

Пыль на полу, которая лежала ровным серым слоем, вдруг

сдвинулась. Не ветром, окна закрыты. Просто сдвинулась. И легла узором. Не геометрическим, не нарочитым. Больше похоже на завиток дыма, застывший в воздухе. Или на линию, которую кто-то провёл пальцем в муке. В центре чуть темнее. По краям чуть светлее.

Я замерла. Сердце стукнуло где-то в горле. Громко. Нелепо. Как будильник, который звонит не вовремя.

Шаг вперёд. Пыль лежала. Просто лежала. Серый ровный слой. Будто я всё придумала.

– Эй, – тихо сказала я в пустую комнату.

Голос прозвучал странно. Не эхом, но будто комната взяла его, подержала и вернула чуть теплее, чем он был.

– Кто здесь?

Тишина. Ни скрипа, ни шороха. Но мурашки не уходили. Будто стены шепчут. Не слова, не звуки, присутствие. Тонкое. Едва уловимое. Как дыхание рядом с твоей щекой, когда думаешь, что ты один.

Я стояла, не двигаясь. Минуту. Две. Потом выдохнула, длинно, медленно. Как выдыхают, когда понимают, что падать некуда, и никто не падает.

– Ладно, – сказала я. Голос дрогнул, но я не стала это скрывать. – Ладно. Я это запомню.

И огляделась. Уже по-другому. Уже с планом. Прилавок вот тут, у окна. Кофемашину можно поставить вот сюда. Потом стены протереть. Полы вымыть. Окна от пыли очистить. Потом столики. Стулья. Кофе. Сначала тряпки и средство

для пола. Это я могу. Это сегодня.

Я улыбнулась. И в этот момент, будто комната решила, что я прошла проверку, запах стал ярче. Не резко. Просто чуть отчётливее. Будто кто-то открыл старую банку с пряностями. Тёплый. Сладковатый. Живой.

И доска под ногой, одна, та, что у прилавка, едва заметно дрогнула. На миллиметр. Будто под ней кто-то пошевелился. Или будто дом вздохнул. Я посмотрела вниз. Доска лежала ровно. Но пальцы на ногах ощутили: что-то было. Короткое. Лёгкое. Как прикосновение.

Я не отступила. Положила ладонь на стену. Кирпич был тёплый. Мурашки по рукам не унимались. Но страха не было. Было другое. Будто город приоткрыл дверь и сказал: «Тут есть больше, чем ты видишь. Хочешь, загляни».

И я захотела.

Вечером я снова сидела на балконе. Пила чай. Город засыпал, медленно, как засыпают только старые города. Не гася свет, а приглушая его. Будто задувая свечи одну за другой. Фонарь на улице мигнул, раз, два, и загорелся ровно. Будто кто-то сказал: «Всё. Хватит на сегодня».

Завтра нужно найти магазин. Купить тряпки и средство для пола. Кофемашину пока не купить: сначала нужно понять, работает ли тут электричество, хватает ли розеток, не выбьет ли пробки. Стулья и столы потом. Кофе тоже потом. Раньше я ненавидела слово «потом». Потому что оно означало «никогда». А теперь оно означает «завтра». И это, ока-

зывается, большая разница.

Я унесла кружку. Провела пальцем по листу фикуса: тёплый, гладкий, живой.

– Спокойной ночи, – сказала я. – Всем.

И легла. Свет в ванной не выключила. Пусть список висит, пока я сплю. Пусть утром, первым делом, я снова его увижу. И вспомню: я приехала не для того, чтобы стать кем-то. А для того, чтобы перестать.

Засыпая, я почувствовала, что запах, тот самый, сладковатый, не корица, чуть-чуть, едва ощутимо, стал гуще. Как будто кто-то в пустой комнате внизу поставил на стол чашку. Крепкий, горячий. И накрыл её ладонью, чтобы не остыла.

Глава 2

Профессор появился неожиданно.

Я стояла на лестничной площадке между первым и вторым этажом, с коробкой в руках и ключом в зубах. Рыжий кот смотрел на меня сверху вниз. Он сидел на ступеньке выше, и это давало ему преимущество, которым он пользовался с очевидным удовольствием.

Кот был крупный. Рыжий, с белым пятном на груди, будто надел манишку. Глаза янтарные, прозрачные, и в них было что-то терпеливое. Как у существа, которое давно всё поняло про тебя, но не считает нужным объяснять.

Он не мяукнул. Не подошёл, не потёрся о ногу. Просто встал, неспешно, с достоинством лектора, поднимающегося на трибуну, прошёл мимо меня в квартиру, будто я была дверью, и улёгся на подоконник. На мой подоконник. На тот самый, где стоял фикус. Фикус кот осмотрел, поморщился и задвинул его лапой к краю.

Ключ упал, звякнув, когда я выдохнула.

– Это... мы что, вместе теперь живём?

Кот закрыл глаза.

Первые две недели я не открывала кофейню. Я открывала двери, окна, банки с краской и для себя новые вопросы, на которые не было ответов. Почему белая краска ложится на стены не белой, а чуть сероватой, будто мел? Почему пол,

вымытый трижды, всё равно пахнет деревом и дождём? Или вот: почему каждый раз, когда я затираю швы между кирпичами на дальней стене, запах, тот самый, сладковатый, становится гуще?

– Профессор, – спросила я однажды, стоя на коленях с губкой в руке, – это нормально?

Профессор сидел на подоконнике и наблюдал за мной с выражением, которое можно было перевести как: «А что тебе кажется тут ненормальным?»

Кота я назвала Профессором. Не в честь кого-то. Просто подошло.

Профессор ел из блюда. Не из миски, из блюда. Я поставила ему миску в первый же день; он посмотрел на неё, перевёл взгляд на меня, и я убрала. Блюдце нашлось на кухне. Профессор одобрил. Поел. Вылизал лапу. Ушёл.

Мыши. Их не было. Хотя дом старый, кирпичный, с подвалом, и по всем законам жанра мыши полагались. Я прислушивалась по вечерам: тишина. Может, Профессор ловил их так тихо, что я не замечала. А может, мыши знали и прятались.

Зинаида Павловна пришла на пятый день. Без звонка, просто постучала, и я открыла с валиком в руке и каплями краски на щеке.

Она обвела взглядом стены, уже белые, почти, пол, окна и остановилась на шторах. Точнее, на их отсутствии. Оконные проёмы стояли голые, с пыльными откосами.

– Шторы, – сказала Зинаида Павловна. Не вопрос. Констатация факта.

– Да, – кивнула я. – Собираюсь...

– Бордовые.

Я помолчала. Бордовые шторы в кофейне, которая ещё не кофейня, а просто комната с белыми стенами и котом на подоконнике.

– Я подумала...

– Бордовые, – повторила она. Тонем, каким ставят диагнозы.

Я не стала спорить. Спорить с Зинаидой Павловной, как спорить с фундаментом. Фундамент стоит несмотря ни на что.

На следующий день я купила льняные шторы. Цвета топлёного молока. Повесила, когда её не было. Стояла и смотрела: ткань мягкая, чуть просвечивала, и солнце ложилось на пол тёплым, рассеянным светом, будто комната вздохнула и прикрыла глаза от удовольствия.

Зинаида Павловна пришла через два дня. Постучала. Зашла. Посмотрела на шторы. Помолчала.

– Ну, – сказала она, – хотя бы чистые.

И ушла. Профессор с подоконника проводил её взглядом, и мне показалось, что он чуть кивнул. Впрочем, с Профессором мне многое казалось.

Я перестала оглядываться на чужой вкус.

Название прилетело, как голубь на подоконник: вдруг и

без спроса.

Я сидела на полу, чистом, уже вымытом, с запахом дерева и дождя, и пила чай из термоса. Кофемашины ещё не было. Мебели тоже не было. Была я, Профессор на подоконнике и пустая комната с тёплыми стенами, которая ждала.

Как назвать? «Угол»? Слишком просто. «Фонарь»? Уже занято, наверное. «Дом»? Дом это где живут. А тут не живут. Тут приходят.

«Чердак». Вот. Не потому, что на чердаке, мы на первом этаже. А потому что звучало так. Как место, куда складываешь вещи, которые не нужны прямо сейчас, но жалко выбросить. И потом, через десять лет, ты поднимаешься туда и находишь. Не вещь. Себя. Того, кем был, когда эту вещь принёс сюда.

– «Чердак», – сказала я вслух. Тихо, чтоб не спугнуть.

Профессор открыл один глаз. Янтарный, с щёлкой зрачка. Посмотрел. Закрыв.

Дверь, деревянная, старая, с бронзовой ручкой в форме птичьей головы, уже была. От всех, кто тут был до меня. Ручка стёрлась от времени: десятки ладоней, каждая оставила свой след, и птица выглядела уже не хищником, а философом.

Я погладила её машинально. Бронза была тёплой. Как стена, как ключ из рук Зинаиды Павловны. Я уже привыкла, что в этом доме тёплое то, что должно быть холодным. Перестала удивляться. Или, точнее, перестала делать вид, что удив-

ляюсь.

Кофемашину я купила на десятый день. Бывшую в употреблении, с рук, через сайт объявлений. Продавец, мужчина лет сорока с бородой и татуировкой компаса на запястье, привёз её сам, втащил в дверь, поставил на прилавок, тот самый, тёмный, с кольцами от чужих кружек, и сказал:

– Работает. Иногда капризничает, но это у них у всех так. Как люди.

Он покосился на Профессора.

– А это кто?

– Просто кот.

– Понял, – кивнул он и ушёл. Компас на его запястье качнулся: игла дёрнулась к двери и застыла. Я проследила взглядом. Он не заметил.

Кофемашина и правда капризничала. Первый кофе, который я сварила себе, получился горьким, мутноватым, с привкусом металла. Я отпила, поморщилась. Профессор понюхал пар и отвернулся.

– Не придирайся, – сказала я ему. – Ты из блюдца ешь. У нас у всех свои странности.

Он мурчал. Тихо, ровно, как будто настраивал радиоприёмник на волну, которую слышал только он.

День открытия выдался дождливым. Сентябрь. Брусчатка блестя, и капли срывались с карниза, падали на ступеньку перед дверью и разбивались: мелко, лениво.

Я открыла дверь. Поворачивала ключ, и ручка под ладо-

нюю была тёплой. Как всегда.

Внутри тихо. Пахло кофе и тем, другим, сладковатым, тонким, который шёл от стен, как дыхание. Профессор лежал на стуле, одном из четырёх, плетёных, с круглыми спинками, которые я заказала у деда Михалыча. Дед Михалыч, мебельщик с Куйбышевского рынка, мастерил всё на совесть и без спешки.

– Четыре стула и два стола, – сказал он, записывая заказ в тетрадку с видом, будто оформлял завещание. – Столы квадратные, дуб. Стулья лоза, ручная работа. Простойте лет тридцать. Дальше не знаю, меня к тому времени не будет.

– Договорились.

Он кивнул. Просто кивнул.

Столы, два, квадратные, дубовые, с чуть шершавой поверхностью, на которой сразу остались следы от кружек. Я не стала их вытирать.

Шторы цвета топлёного молока чуть колыхались: окно было приоткрыто, и с улицы тянуло дождём и мокрой брусчаткой. Будто город дышал.

Я сварила кофе. Себе. Потому что клиентов пока не было. Кофемашина зафыркала, зашипела и выдала струйку тёмной, горячей жидкости, которая наполнила чашку и часть стола. Я вытерла. Села за столик у окна. За стеклом шёл дождь, мелкий, косой, будто небо не всерьёз, а так, для проформы.

По тротуару медленно шла старая женщина. Жёлтый

плащ, яркий, не по погоде. Просто жёлтый. Толкала перед собой тележку, которая скрипела: скрип, скрип, скрип, как жалоба, которую пишут, зная, что ответят отказом, но пишут всё равно.

Она остановилась у двери. Не вошла, заглянула. Приложила ладонь к стеклу, будто проверяя, тёплое ли. Секунду подержала и пошла дальше. На стекле остался отпечаток. Растаявший, с полминуты, и исчез.

В тот день никто не пришёл. Никто. Дождь шёл, женщина в жёлтом плаще ушла, голуби на карнизе поменялись местами, будто репетируя пересадку в самолёте, а я сидела и пила горький кофе.

Профессор лежал на соседнем стуле и мурчал. Я положила руку ему на спину: тёплая, тяжёлая, и под ладонью вибрация мурчания ощущалась как ток. Маленький, безопасный, постоянный.

– Мы справимся, – сказала я.

Он приоткрыл один глаз. Посмотрел. Закрыл.

К вечеру дождь кончился. Небо сделалось серо-лиловым, с прорехой на западе, где садилось солнце, рыжее, усталое, будто отработало смену. Я протёрла столы, закрыла кофемашину, выключила свет. Но дверь не закрыла. Стояла на пороге: порог был каменный, стёртый посередине, в форме неглубокой впадины, словно тысячи ног за сто лет протоптали в нём желобок. Я встала в эту впадину. Ступня поместилась в впадину идеально. Как ключ.

Город засыпал. Не торопясь. Фонарь на углу горел ровно. В окне напротив кто-то задёрнул штору. С площади доносился плеск фонтана.

Профессор вышел на порог, сам, без приглашения, и сел рядом. Молча. Смотрел на улицу. На мокрую брусчатку, на фонарь, на тень дерева, которая лежала поперёк дороги, как забытый шарф.

И я заметила его уши. Они двигались, не от звуков, которые слышала я. Поворачивались вперёд, назад, чуть разворачивались, будто он слушал что-то тоньше. Дальше.

– Что? – тихо спросила я. – Что слышишь?

Профессор повернул голову. Посмотрел на меня прямо, внимательно, в упор. Янтарными глазами, с точками отражённого фонаря. И в этих точках было что-то, от чего мне стало тревожно. Как будто кто-то приоткрыл дверь в комнату, о которой я не знала, и ждёт, зайду ли я.

– Мур, – сказал Профессор. Коротко. Твёрдо.

Я посмотрела на улицу. Мокрая брусчатка. Тень дерева. Фонарь. Обычная улица обычного старого города. Ничего особенного.

Но мурашки вот они. По рукам, от запястий к локтям. Опять.

А на следующее утро, первым делом, когда я спустилась открыть дверь, на ступеньке перед порогом лежал конверт. Белый, не запечатанный, без подписи. Внутри карточка. Тонкая, кремовая, с тиснёнными буквами: «Добро пожаловать».

Я перевернула карточку. На обороте ничего. Ни имени, ни адреса, ни объяснения. Только тиснёный вензель в углу, завиток, похожий на тот, что я видела в пыли на полу в первый день. Тот самый, который, конечно же, мне привиделся.

Профессор сидел на пороге и вылизывал лапу. Спокойно, методично, с видом существа, которому конверты приносят каждое утро.

– Это ты? – спросила я, хотя уже знала ответ.

Он зевнул. Демонстративно. Широко. С клыками.

– Полезное у меня животное, – сказала я в пустую улицу. – Ест из блюдца, двигает фикус и получает почту.

Я повертела карточку в пальцах. Бумага была плотная, тёплая. Нет, не тёплая. Обычная. Просто плотная. Хорошая. Дорогая, может быть. «Добро пожаловать». Куда, сюда? Кому, мне? От кого?

Я сунула карточку в карман фартука и пошла варить кофе. Кофемашина зашипела, и на этот раз кофе получился чище, теплее, без металла. Я отпила и не поморщилась.

«Добро пожаловать», – повторила я мысленно. Ладно. Пожалуйста.

День был ясный: после вчерашнего дождя город вымылся, осветлился, и брусчатка блестела так, будто её покрыли лаком. Я открыла дверь, вывесила на дверь табличку, которую сама написала маркером на куске доски: «Чердак. Кофе». Получилось криво. Буква «ф» вышла похожей на «ц». Профессор посмотрел, отвернулся, фыркнув.

Первый клиент пришёл в одиннадцать.

Девушка, лет двадцати пяти, в коротком пальто и кроссовках, с рюкзаком, из которого торчал свёрнутый плакат. Она остановилась на пороге, заглянула осторожно, как в чужую квартиру, и спросила:

– Вы открыты?

– По-моему, да, – ответила я.

Она вошла. Села за столик у окна. Поставила рюкзак на пол. Достала телефон. Убрала телефон. Посмотрела на Профессора.

– Ваш?

– Он сам по себе.

– Понятно, – кивнула она, будто это было совершенно нормально. – Эспрессо. Можно?

Я сварила. Поставила перед ней. Она обхватила чашку обеими ладонями, длинные пальцы, без колец, чуть дрожат, и подержала так, не пригубливая.

– Тихо тут, – сказала она, не поднимая головы.

– Да, – сказала я.

– Хорошо, – сказала она.

И допила.

Она заплатила. Точной суммой: отсчитала монеты на стол, аккуратной горкой. Уходя, обернулась:

– Спасибо.

И ушла. Профессор с соседнего стула проводил её взглядом, спрыгнул, подошёл к столику, за которым она сидела,

понюхал чашку. Сел рядом. Остался.

К обеду было трое клиентов. К вечеру семеро. Я не считала, но Профессор, кажется, считал: каждый раз, когда входил новый человек, он поднимал голову, смотрел, а потом возвращался к своему занятию: спал, умывался или просто смотрел в окно с видом кота, которому известно всё, но который бездействует из принципа.

Последним пришёл мужчина.

Не старый, не молодой, где-то между. Высокий, в сером свитере, который был ему чуть велик. Волосы тёмные, чуть длиннее, чем нужно. Очки, простые, в тонкой оправе, сдвинуты на кончик носа. Он снял их, протёр краем свитера, надел обратно и только тогда переступил порог.

– Работаете? – спросил он. Голос был негромкий, чуть хрипловатый, как у человека, который долго молчал и теперь проверяет, работает ли.

– Пока да, – сказала я.

Он сел за дальний стол, тот, что в углу, у кирпичной стены. Положил на стол книгу. Тонкую, в мягкой обложке. Я не разглядела название.

– Что посоветуете?

– А что вы любите?

Он подумал. Серьёзно, будто я спросила не про кофе, а про что-то важное.

– Не знаю, – признался он. – Я не очень хорошо разбираюсь в кофе.

– Латте? – предложила я. – Безопасный вариант.

– Безопасный это хорошо, – кивнул он. – Мне бы сейчас безопасный.

Я сварила латте. Молочная пена легла неровно: пузыри разные, крупные и мелкие, как архипелаг на карте. Я поставила чашку перед ним. Он обхватил её одной рукой, не двумя, как девушка утром. Поднял. Отпил. Не поморщился.

– Хорошо, – сказал он. – Тёплое.

И начал читать.

Я стояла за прилавком и вытирала руки полотенцем. Смотрела, как он читает, медленно, водя пальцем под строчками, будто не только читает, но и проверяет на ощупь, что слова на месте. Профессор подошёл к его стулу, обнюхал штанину и лёг. Прямо у него на ногах.

Мужчина опустил книгу. Посмотрел на Профессора. Посмотрел на меня.

– Он всегда так?

– Нет, – честно ответила я. – Он обычно ни с кем так не делает.

– Спасибо, – сказал Профессору. Абсурдно, всерьёз.

Профессор зажмурился и муркнул. Тихо, коротко. «Не за что».

Мужчина допил латте. Достал кошелёк, потёртый, кожаный, с молнией. Я назвала цену. Он отсчитал, прибавил сверху.

– Это за компанию, – кивнул он на Профессора.

– Это ему и передам, – сказала я.

Он улыбнулся, уголком, одним, левым. Надел очки на нос, сунул книгу в карман свитера и вышел. Дверь за ним прикрылась тихо, мягко, будто ручка сама притянула его к себе.

Профессор лежал на стуле и смотрел в окно. Свет фонаря лёг на его морду: рыжий стал медовым, а янтарные глаза загорелись. Я смотрела на него и думала: ну вот. Семь человек и один кот. Не так уж плохо для первого дня.

Я протёрла столы. Выключила кофемашину. Проверила конверт в кармане фартука: на месте. Карточка на месте. «Добро пожаловать». Тиснёный завиток в углу.

На обороте, если наклонить к лампе, завиток казался чуть выпуклым, не просто тиснением, а чем-то, что проступало из бумаги, будто корень из земли. Я провела по нему подушечкой пальца. Гладко. Потом ещё раз. Тепло.

Нет. Не тепло. Бумага.

Я убрала карточку обратно в карман.

Заперла дверь. Поднялась на второй этаж. В квартире было тихо, темно, пахло пылью и фикусом. Я не стала включать свет, прошла на кухню, налила воды в блюдо Профессора, поставила на пол. Он подошёл, бесшумно, мягко, лакнул воду, лёг у моих ног.

– Профессор, – сказала я в темноту, – ты вообще кто?

Тишина. Мурчание, ровное, тихое, как мотор на холодах.

– Ладно, – сказала я. – Не хочешь, не говори.

Я легла. Список «не буду» белел на зеркале в ванной, и я видела его даже отсюда, даже в темноте, потому что запомнила, и память светится ярче бумаги. «Не буду проверять почту в воскресенье. Не буду говорить "всё под контролем". Не буду плакать в туалете издательства».

Я не плакала в туалете издательства. Я уже не работала в издательстве. Я варила кофе в кофейне, которую называла «Чердак», и ждала, что завтра кто-нибудь придёт снова.

И ещё я подумала о мужчине в сером свитере. О том, как он сказал «тёплое», не «вкусно», не «хороший кофе», а «тёплое». Как будто искал не кофе, а что-то другое. И нашёл. В чашке, в коте на ногах, в углу за кирпичной стеной.

Или мне показалось.

Утром я спустилась. На ступеньке перед дверью лежал новый конверт. Тот же: белый, не запечатанный. Внутри карточка. Кремовая. Тиснёный завиток. И на обороте, мелко, от руки, карандашом, одно слово:

«Продолжайте».

Глава 3

Стук я приняла за голубя.

Три удара. Чёткие, размеренные, с паузами. Так стучит не тот, кто хочет войти, а тот, кто обязан предупредить.

Двор. Стучали со стороны двора, через ту дверь, которой я пользовалась для проветривания и выноса мусора.

Я отложила кружку – кофе давно остыл, но я всё грела его ладонями, по привычке – и посмотрела на дверь. Профессор поднял голову от стойки. Он дремал, мордой на лапах, хвост свесился вниз, как рукав халата. Смотрел на дверь. Без любопытства. Так смотрит существо, которое ждало именно этого.

Я открыла.

Мужчина в длинном сером пальто, из тех, что носят либо очень уверенные в себе люди, либо очень растерянные. Этот был из вторых: пальто сидело чуть набок, одна сторона воротника приподнята, другая примята. Лицо вне возраста, с глубокими тенями под глазами. Не от усталости. От привычки не спать.

– Это у вас тут продают тот самый чай с чабрецом?

Голос тихий, с хрипотцой. Так говорят в пустые комнаты.

Чай с чабрецом. У меня. В кофейне «Чердак», где одна кофемашина, четыре стула и кот.

– Нет. Только кофе.

Он посмотрел на меня. Долго. Открыл рот, закрыл. Кивнул, коротко, будто отрезал, и ушёл. Шаги по плитке: мерные, удаляющиеся. Ни спешки, ни оглядки.

Я выглянула во двор. Плита, мох в швах, угол дома с отбитой штукатуркой, небо серое, низкое. Никого. Даже тени. Даже следа на пыли, которая ровным слоем лежала на камнях с прошлого дождя.

Ну и ладно.

Я закрыла дверь, вернулась за стойку, взяла булочку – вчерашнюю, чуть подсохшую, с маком – и откусила. Крошки посыпались на прилавок, врезались в бороздки тёмного дерева. Сколько рук трогало эту стойку до меня? Дерево помнит всё. Это люди забывают.

Профессор смотрел на меня. Не отворачивался. Не ложился обратно. Сидел, глядя в мою сторону. Не торопил, не подсказывал. Ждал. Как человек, который задал вопрос и готов слушать ответ сколько угодно, хоть до утра.

Я доела булочку. Смахнула крошки. Вытерла руки полотенцем.

– Ладно. Галлюцинации. Принимается.

Профессор моргнул. Медленно. Один раз. И вернул голову на лапы.

Студент с синими волосами пришёл через парадный вход. Колокольчик звякнул коротко, чисто, будто щёлкнули пальцем по хрустальному бокалу. Он огляделся быстрым цепким взглядом, сел за дальний стол, раскрыл ноутбук и просидел

два часа, заказав один эспрессо.

Эспрессо вышел первый удачный за всё время. Густой, с рыжей пенкой, которая держалась, не опадая, и пахла не горелым, а жареным, как костёр в сухую погоду. Я поставила чашку на стол. Он отпил. Не поморщился. Кивнул:

– Нормально.

У студента это, видимо, высшая степень похвалы: «нормально» с коротким кивком и без зрительного контакта. Я приняла. Забрала чашку, когда он ушёл. На дне сухо. Выпил до дна. Это тоже похвала, просто немая.

Потом он стал заходить через день. Синие волосы, ноутбук, эспрессо. Дальний стол. Я не спрашивала имени – в маленьких кофейнях имена узнаются сами, если нужны.

Была пара: мужчина и женщина, скорее всего муж и жена. Пришли в обед, сели у окна, заказали два капучино и сидели молча. Не неловко – комфортно. Так молчат люди, которые давно решили, что словам между ними не нужно заполнение пауз. Она смотрела в окно, он – на свои руки. Ладони вниз, пальцы чуть согнуты, будто держали что-то невидимое.

Потом она сказала:

– Хорошее место.

Он кивнул. Они допили. Расплатился он – бумажными, двумя купюрами, и я впервые порылась в кассе в поисках сдачи, путаясь в монетах, которые слиплись от жары рук. Наконец отсчитала. Он сжал мелочь в кулаке и ушёл первым.

У порога она обернулась.

– Тут кот лежал. На стойке. Рыжий.

– Да, – кивнула я. – Он тут живёт.

– Чей?

– Ничей. Свой собственный.

Она посмотрела на меня с любопытством. Не на кота – на меня. Будто хотела спросить что-то ещё, но не стала. Усмехнулась, коротко, краем рта, и ушла. Каблуки по ступеням вниз, и тишина.

Был дед с тростью, с улицы, проходивший мимо. Заглянул, постоял в дверях, принюхиваясь: ноздри раздуты, подбородок приподнят, как у гончей, взявшей след. Потом прошёл к стойке. Долго выбирал, хотя выбирать было не из чего: я варила один сорт, единственный, который не горчи́л. Выбирал так, будто перед ним карта вин на три страницы.

– Двойной. С сахаром. Два куса.

Я подала. Он выпил стоя, опираясь на трость, маленькими глотками, с паузами, с закрытыми глазами. Так дегустируют вино. Так слушают музыку, которую знают наизусть, но каждый раз находят новый голос. Поставил кружку. Кивнул. Положил на стойку сто рублей – бумажкой, ровно, без сдачи – и ушёл, стукнув тростью по порогу. Два раза. Как ритуал. Или как привычка, которая стала ритуалом, а разница между ними только в том, помнишь ли, зачем.

На следующий день снова постучали в дверь, ведущую во двор.

Три удара. Те же, с теми же паузами. Я уже знала ритм.

Кто-то предупреждал, что идёт, и этот кто-то соблюдал протокол, который был старше меня и, возможно, старше дома.

Я открыла.

Девочка. Лет девяти. Может, десяти: маленькие всегда выглядят на свой возраст плюс-минус вечность, и с этой разницей ничего не поделаешь. Красный берет, надетый чуть небекрень, серьёзное не по годам лицо. Без улыбки. Без испуга. Без любопытства. Лицо человека, который задал вопрос и ждёт ответа.

– А кот Профессор здесь?

Я замерла. Имя. Моё, тайное, не произнесённое вслух ни разу – ни Зинаиде Павловне, ни студенту, ни паре у окна. Для всего мира просто кот. Рыжий, крупный, сам по себе. А для меня – Профессор. И вот девочка в красном берете стояла на пороге и говорила так, будто давно знала этого кота.

– Откуда ты...

Я не закончила. Девочка просто стояла. Смотрела. Ждала. «Откуда ты знаешь» – не тот вопрос, на который она станет отвечать. Как спросить у дождя, почему он идёт именно здесь.

Профессор лежал на стойке. Открыл один глаз – янтарный, с щёлкой зрачка – и посмотрел с лёгкой укоризной. Не на девочку. На меня. Будто говорил: «Ну вот. Дождались. А ты сомневалась».

Спрыгнул. Мягко, беззвучно – только шорох лап по дереву, и тот я скорее почувствовала, чем слышала. Прошёл к

двери. Встал у порога, повернулся к девочке. Замер.

И девочка присела. На корточки, прямо на каменную плитку, и протянула руку – не осторожно, не боязливо, а так, как протягивают руку к тому, кого давно знают. Погладила. От головы до спины, медленно, будто проверяла: здесь ли, настоящий ли, тот ли.

Профессор замурчал. Громче, чем обычно. Громче, чем я слышала за все дни, что он жил со мной. Это был не его обычный мур, ровный, тёплый, как мотор на холостых. Это было другое. Низкое, вибрирующее, с переливами, будто он говорил. Не словами – но с интонацией, с паузами, с вопросами и ответами, с повышениями и понижениями, с местами, где он словно прислушивался к ответу, которого я не слышала.

И я стояла в дверях кофейни и понимала: они знакомы. Пусть не в этой жизни, но знакомы.

– Ты... – я присела рядом. Запах от девочки шёл странный: не детский, не мыльный, не конфетный. Травяной. Сухой. Как от букета, который засушили и повесили на стене, а он всё ещё пахнет полем. – Как ты его нашла?

Девочка подняла голову. Глаза у неё были серые, с тёмным ободком: не детский цвет, а цвет человека, который видел вещи, о которых не рассказывает.

– Он сам.

Вскочила и выбежала за дверь. Быстро, как выбегают дети, когда дело сделано и задерживаться незачем. Красный

берет мелькнул в проёме – и всё.

Я шагнула за ней. Двор пуст. Переулок пуст. Улица, три шага направо: брусчатка, фонарь, аптека на углу, женщина с коляской. Девочки нет. Как сквозь камень провалилась.

Женщина с коляской прошла мимо, не обернувшись. Коляска обычная, синяя, с дождевиком. Младенец внутри спал или не спал – не видно. Колёса стучали по брусчатке: тук, тук, тук. Обычный звук. Обычная улица. Обычное всё.

Я вернулась в кофейню. Профессор лежал на стойке. Спокойно, будто ничего не случилось. Глаза закрыты, лапы подогнуты, дыхание ровное. Картинка умиротворения.

Но хвост выдавал. Подёргивался коротко, ритмично, кончик качался влево-вправо, как маятник в часах, которые никто не заводил, а они всё равно идут. Я видела это у него впервые.

Я села рядом. Не гладить – просто рядом.

– Профессор. Ты мне что-нибудь расскажешь?

Кот закрыл глаза. Оба. Полностью. И промолчал.

Но хвост перестал дрожать. Замер. Не «нет». Не «да». А – ещё не время.

Вскоре я заметила странность. Утром, ещё до кофе, я вышла через парадный вход, чтобы дойти до булочной. Улица была обычной: брусчатка, электрический фонарь, аптека на углу с зелёным крестом, наполовину выцветшим. Всё на месте. Купила булочки – две, с маком и с изюмом, – вернулась.

Потом, через час, открыла дверь, ведущую во двор, про-

сто поветрить. И увидела ту же улицу.

Только фонаря не было.

На его месте стоял столб. Деревянный. Без лампы. Без стекла. Без ржавчины. Просто столб, врытый в мостовую, с обломком кронштейна на верхушке, будто кто-то снял фонарь и забыл убрать опору. Или будто фонарь ещё не поставили.

Я моргнула. Закрыла дверь. Открыла снова. Фонарь. Электрический, ржавый. На месте. Лампочка мигнула – лениво, будто хотела сказать: «Ну что, напугалась? Я тут».

Хорошо.

В следующий раз, через два дня, газовый фонарь. Настоящий, чугунный, с решётчатым плафоном, и в плафоне язычок огня. Маленький, синеватый, дрожащий. От него по брусчатке шла тень, живая, не такая, как от электрического света. Она дышала. И пахло дымом. Не сигаретным, а печным. Древесным, как от бани, которую топят берёзовыми дровами.

Я стояла в дверном проёме и смотрела на фонарь. Он горел. Утром, в полной серости. Горел – и брусчатка под ним была тёмной, мокрой, будто её только что помыли, а на сухих камнях вокруг – ни капли.

Ещё через пару дней, конная повозка. Не телега, а повозка, с высокими колёсами и бортами, запряжённая лошадыю гнедой масти. Возница сидел спиной ко мне: только затылок в картузе, плечи, сгорбленные. Повозка проехала медленно,

стук-стук-стук по брусчатке, и скрылась за углом. Стук затих. Не сразу, постепенно, как затихает эхо, как затихает всё, что уходит.

Я сказала себе: реконструкция. Исторический центр, праздник города, какой-нибудь фестиваль. Кони, фонари, ряженые. Вполне объяснимо.

Но на улице, где проехала повозка, не было ни одной афиши. Ни растяжки, ни флага, ни объявления. Была только тишина, глубокая, ватная, какая бывает в музее после закрытия, и запах. Не бензин, не асфальт, не мокрая резина. Иногда выпечки. Иногда дыма. Иногда цветов, названия которых я не знала. Не то чтобы забыла, просто не знала. Будто их не существовало в моём языке, будто мне нужен был другой язык, чтобы их назвать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.